

Владимир Кунин

Сошедшие с небес

ФТМ

Владимир Владимирович Кунин

Сошедшие с небес

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126924

Сошедшие с небес: ФТМ; Москва; 2020

ISBN 978-5-4467-2964-7

Аннотация

В подземелье, осажденном немцами, раненые солдаты умирают от голода и жажды. Среди них влюбленная пара – Сергей и Маша. Не выдержав мучений раненых, они идут под обстрелом к колодезю за водой. Как сложится жизнь героев после всех испытаний? Как могла бы сложиться судьба миллионов других, чье будущее оборвала война? Пронзительная, полная любви история о несбывшихся жизнях.

Владимир Кунин

Сошедшие с небес

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

Ах, эти черные глаза
Меня пленили!
Их позабыть никак нельзя –
Они горят передо мной...
Ах, эти черные глаза...
Кто вас полюбит,
Тот потеряет навсегда
И сердце, и покой... –

лилось с заезженной старой пластинки...

Темнота населена неясными приглушенными звуками. И среди них – шепот – торопливый, срывающийся, лихорадочный, словно горячечный бред:

– Я люблю тебя... Боже мой, как я люблю тебя!

– И я... И я тебя люблю, солнышко мое...

– Тише, родненький... Тише, миленький... Тише, Сереженька.

– Пускай... Чего теперь бояться?

– Господи! Ну почему так поздно? Где же ты раньше был?

– Я всегда был с тобой, Машенька. Ты просто не знала об этом. И я не знал...

– Я люблю тебя... Я так тебя люблю!..

Откуда-то стал возникать слабый желтый свет. Он выхватывал из крошечной тьмы уродливые каменные стены, стонущих раненых – они лежали по углам узкой пещеры, прорубленной в нагромождении скальных пород.

Кто-то нес керосиновый фонарь, негромко выкрикивал:

– Санинструктор! Санинструктор! Маша! Где ты? Там у Тенякова опять кровотечение. Ты где, Маша?..

– Пить... Пить... Пить... – стонут из всех темных углов.

Белеют бинты в слабеньком свете керосинового фонаря.

– Маша!

– Иду!

Маше восемнадцать лет. Она худенькая, грязная и оборванная. Поднялась с колен, подхватила санитарную сумку, погладила по лицу лежащего двадцатилетнего младшего лейтенанта:

– Полежи, Сереженька. Я скоро вернусь. Полежи, любимый...

Сережа – летчик. Это видно по погонам истерзанной гимнастерки. На нем брюки с одной штаниной. Нога, на которой нет штанины, замотана грязными бинтами с заскорузлыми пятнами засохшей крови. Под боком лежит немецкий авто-

мат «шмайссер».

Оружие здесь лежит возле каждого раненого. Все полуголые – жара, душно, пот заливает лицо, разъедает глаза.

– Пить... Пить... Пить...

И словно убаюкивая лежащих, откуда-то плывет довоенное, сладкое:

...Был день осенний, и листья грустно опали,
В последних астрах печаль хрустальная жила,
Слезы ты безутешно проливала – ты не любила,
И со мной прощалась ты...

На полуслове оборвалось танго, и чей-то вкрадчивый женский голос со слабым немецким акцентом и характерной радиохрипотцей сказал:

– Германское командование обращается к вам с благородным гуманным предложением: вы должны выйти из подземелья и сдаться. За это вам гарантируют жизнь и свободу...

Вернулась Маша с огарком свечи. Снова опустилась на колени перед Сергеем:

– Вот у нас с тобой и свет есть... Теперь бы только выжить.

– Нам известно о вас все, – говорил мягкий женский голос с немецким акцентом. – Мы знаем, что вы погибаете от жажды и голода, каждый день вас становится все меньше; нам известно, из остатков каких воинских частей состоит ваш подземный гарнизон; знаем, кто вами командует...

– Не слушай, не слушай... – торопливо зашептала Маша.

– Я не слушаю. Я смотрю на тебя, Машенька моя... Моя Машенька.

Кто-то неподалеку прошелестел:

– Водички... глоточек...

– Нету пока водички, лапушка. – Маша подскочила к раненому. – Потерпи. Может, к ночи... Вчера же удалось, помнишь?

– Не дожить мне до ночи...

– Доживешь, что ты! Мы все доживем. Обязательно!

А женский голос с немецким акцентом откуда-то говорил:

– Мы перекрыли единственный источник воды – колодец у главного входа в каменоломню. За ним установлено круглосуточное наблюдение. Ни одному из вас не удастся достать оттуда хотя бы каплю воды...

Щелчок, и снова мужской надрывный голос страдальчески запел:

Ах, эти черные глаза меня пленили...

В глубине пещеры возник шум борьбы, послышались крики:

– Нет! Нет! Нет! Не дам!!! Не смеете!..

– Попался, гад!

– Пустите! Не отдам! Не отдам!.. Нет у вас таких прав!..

Трое легкораненых держали старика-санитара и вырывали у него из рук металлическую банку – нечто вроде неболь-

шого бидона. Из темноты появился закопченный оборванный подполковник, посмотрел на старика-санитара тяжелым взглядом.

– Заначка у гада! – в истерике кричал один раненый, а второй плакал навзрыд: – Прятал... Прятал, сволочь!..

– Раздать воду раненым, – хрипло приказал подполковник, облизывая пересохшие, растрескавшиеся губы, и ушел в темноту.

– Пустите меня!!! – дико закричал старик-санитар и рванулся.

Банка вылетела из его рук, упала – вода растеклась по земле, оставив только влажный след.

Старик нагнулся, схватил пустую банку, захохотал и побежал. Он неся по полутемным подземным коридорам, расталкивал людей, размахивал банкой и не то пел, не то рыдал:

– «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек!..»

У расщелины, ведущей из подземелья наружу, автоматчик крикнул ему «Стой!», но сошедший с ума старик проскочил мимо него и выбежал на ослепительную, залитую солнцем, выжженную нестерпимой жарой площадку, на краю которой стоял колодец.

Вокруг колодца лежали трупы русских солдат, изрешеченные пулеметными очередями ведра и канистры. Три пулеметные точки немцев держали под прицелом площадку, колодец и выход из каменоломни.

Немцы увидели вылетевшего с банкой несчастного сумасшедшего и подняли глаза на офицера. Тот дал знак одному пулеметному расчету. Простучала короткая очередь. Старика подбросило на бегу, он упал. С жестяным стуком покати-лась по камням его банка...

И тогда раздались очереди еще двух пулеметов. Они хлестали по банке, и банка металась, как живая, и куда бы она ни отлетела, повсюду ее настигала пулеметная очередь.

Офицер рассмеялся и одобрительно подмигнул пулеметчику. И огонь прекратился. Офицер надел фуражку и пошел к большому радиофургону, смонтированному на тяжелом грузовике. На крыше фургона два репродуктора оглушительно говорили мягким женским голосом со слабым немецким акцентом:

– Мы обращаемся к благоразумию ваших командиров – не губите бессмысленно людей. Прекратите сопротивление, прекратите вылазки и атаки, которые ни к чему, кроме потерь, привести не могут...

Перед тем как подняться по короткой лесенке в заднюю дверь радиофургона, офицер застегнул китель на все пуговицы и обтер сапоги пучком травы. Увидел у заднего колеса несколько блеклых цветочков, сорвал их и соорудил немудрящий букетик. И только после этого открыл дверь фургона...

– Пить, сестрица, – хрипел раненый паренек.

– Тс-с... Слышите, ребята? Льется, льется... – шептал матрос с безумными глазами. – Прячут от нас... Слышите? Вода льется...

И тут же совершенно нормальным громким голосом, уже в бреду, капризно проговорил:

– Мама, ну дайте вы мне чаю! Сколько можно! Жду, жду...

– Пить... Пить... Пить...

Утомленное солнце нежно с морем прощалось... –

гремело снаружи.

И снова обезумевший от жажды раненый матрос приподнялся на локте:

– Слышь, браток... Вода льется... Журчит где-то, стерва...

– Точно! – вдруг проговорил Сергей и попытался встать.

Маша с ужасом поняла, что этот психоз, эта галлюцинация сейчас охватит всех. Она бросилась на Сергея, прижала его к земле всем своим телом, закричала:

– Молчать!!! Всем лежать, не двигаться! Нету никакой воды! Нет ее. Нигде она не льется... Не думайте о ней. О чем хотите думайте, только не о воде! Потому что воды нет...

Все затихли. Маша отпустила Сергея, встала и словно в забытии повторила:

– Потому что воды нет... Но я сейчас принесу ее вам.

Она вынула из кармана гимнастерки расческу и маленькое зеркальце. Приладила зеркальце на скальном выступе, туда же прилепила огарок свечи. Сняла грязную, пропотевшую пилотку, по солдатской привычке засунула ее под ремень и стала тщательно расчесывать свои длинные волосы. Она вглядывалась в маленькое зеркальце, слюнула скомканный платочек, оттирала лицо от копоти, многодневной грязи, прихорашивалась...

– Машка, ты что? Что с тобой?! – Раненые с испугом следили за Машей. – Маш, ты кончай! Ты чего удумала?!

– Не смей, Маша... – сипло сказал Сергей и, держась за стену, поднялся на ноги. Отставил в сторону негнущуюся простреленную ногу, наклонился, взял в руки «шмайссер». – Я тебя никуда не пущу.

– Не могу, не могу больше, Сереженька... – жалобно проговорила Маша, осветила себя огарком свечи и нащупала дужку ведра.

– Потерпите, ребятки. Я сейчас вернусь.

С ведром в руке Маша пошла к выходу из пещеры, откуда несло чуть приглушенное танго. Волоча раненую ногу, с автоматом в руке, за ней ковылял Сергей.

– Командир! – истошно закричал раненый матрос. – Командир! Машка за водой пошла! Машка за водой... Да остановите же ее кто-нибудь! Командир!..

Маша и Сергей были уже у выхода из подземелья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.